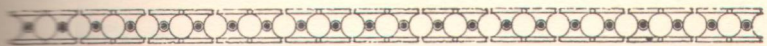

II. Макеимъ Ковалебекій.

Д. И. Каченовскій.

✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻

ХАРАКТЕРИСТИКА Д. И. КАЧЕ-
НОВСКАГО ВЪ СВЯЗИ СЪ ЛИЧНЫМИ
О НЕМЪ ВОСПОМИНАНІЯМИ.

Сообщеніе въ торжественномъ засѣданіи
Харьковскаго Юридическаго Общества.

ы намѣрены посвятить цѣлое засѣданіе чествованію памяти Дмитрія Ивановича Каченовскаго. Глубоко сочувствуя этой мысли, я въ то же время не могу не высказать моего опасенія, что личность эта, благодаря своей разносторонности, благодаря тому, что юристъ соединялся въ ней съ историкомъ культуры, политикомъ, моралистомъ и эстетомъ, не найдетъ полной оцѣнки въ обществѣ, составленномъ изъ однихъ законовѣдовъ. Профессоръ международного права, лекторъ по праву государственному, Каченовскій въ то же время является авторомъ статей о зарожденіи пластики и живописи во Флоренціи, онъ меломанъ, шекспиристъ, онъ обладаетъ рѣдкой начитанностью въ исторіи итальянскаго Возрожденія. Его вниманіе приковываютъ одинаково и этюды по исторіи челоувѣчества Лорана, и монографическая литература о жизни итальянскихъ городскихъ общинъ, и разсужденіе Пасси о причинахъ, управляющихъ смѣною формъ правленія, и первые опыты Мэна въ области сравнительно-исторической юриспруденціи.

Открытіе-ли новаго курса, участіе-ли въ университетскомъ диспутѣ одинаково служатъ ему средствомъ, а иногда только предлогомъ къ тому, чтобы ввести свою аудиторію въ кругъ идей, впервые затронутыхъ тѣмъ, или другимъ ученымъ, имя котораго еще не проникло въ провинціальную среду. Его разговоры столь-же поучительны, какъ и его лекціи; онъ видѣлъ много на своемъ вѣку, умѣлъ наблюдать и обобщать свои впечатлѣнія. Въ городѣ, отрѣзанномъ отъ сообщенія съ міромъ самымъ отсутствіемъ желѣзной дороги, а въ такихъ именно условіяхъ и былъ Харьковъ въ теченіе всей почти профессорской дѣятельности Каченовскаго, продолжительное путешествіе заграницей, посѣщеніе не только Германіи, Франціи и Швейцаріи, но также Англіи, Италіи и самой Испаніи, знакомство съ выдающимися умами и политическими дѣятелями этихъ странъ, съ ихъ общественной, литературной и университетской жизнью, окружало человѣка ореоломъ, о какомъ трудно составить себѣ понятіе въ наше время, когда перемѣщеніе въ Вѣну или Берлинъ сдѣлалось столь-же удобнымъ, какъ переѣздъ на дачу.

Провинціальная среда, по крайней мѣрѣ тѣ круги, въ которыхъ Каченовскій пользовался сочувствіемъ, обращались къ нему поэтому съ самыми разнообразными запросами, онъ долженъ былъ руководить ихъ вкусомъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и разумомъ. Дмитрій Ивановичъ не уклонялся отъ

этой роли, которая многимъ показалась бы тяжелой, роли совѣтника, своего рода «directeur de conscience»; въ пріемные дни у него можно было встрѣтить людей разнаго круга, пришедшихъ послушать воспоминанія о его дальнихъ странствіяхъ, философскую оцѣнку современности, живой рассказъ о людяхъ и событіяхъ, съ которыми сталкивала его судьба. Для полноты его характеристики отнюдь не слѣдуетъ терять изъ виду, что при всемъ видномъ пристрастіи къ Англіи и ея политической свободѣ, и нескрываеомъ западничествѣ, Каченовскій былъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, т. е. онъ относился къ нашимъ слабостямъ и недостаткамъ съ тою горячностью, съ тѣмъ необузданнымъ желаніемъ вырвать ихъ съ корнемъ, какого не вызывали въ немъ въ равной мѣрѣ общественные недуги и недостатки другихъ странъ и народовъ. Видѣлъ-ли онъ и то, что есть здороваго и прочнаго въ нашемъ общественномъ быту, что является залогомъ дальнѣйшаго его развитія? Многое изъ того, что москвичамъ вообще, а не однимъ только славянофиламъ, кажется нашими самостоятельными національными устоями, въ его глазахъ являлось не болѣе, какъ исторической категоріей, чѣмъ-то испытаннымъ, пережитымъ, отброшеннымъ передовыми народами запада. Онъ вѣрилъ въ единство культуры, какъ продукта общаго всѣмъ научнаго знанія и художественнаго творчества; онъ цѣнилъ только тѣхъ, кто, подобно

Петру, путемъ безконечныхъ усилій и пожертвованій насильственно вдвинулъ наше отечество въ общее русло мірового прогресса. Вотъ почему, «эпоха великихъ реформъ», справедливо казавшаяся ему продолженіемъ движенія, даннаго Россіи Петромъ, нашла въ немъ горячаго поборника. Задолго до того времени, когда поступленіе въ университетъ въ число слушателей Каченовскаго, открыло мнѣ возможность непосредственнаго общенія съ человекомъ, такъ сильно повліявшимъ на мои личные вкусы и выборъ дѣятельности, мнѣ не разъ приходилось слышать его имя въ помѣстныхъ кругахъ, какъ имя человека, поддерживавшаго самыя невыгодныя для дворянъ взгляды въ вопросѣ объ эмансипаціи. Его не прочь были заподозрить въ тайной агитаціи между членами губернскихъ комитетовъ и во внушеніи самымъ передовымъ изъ нихъ наиболѣе радикальныхъ требованій. Эта точка зрѣнія составила на Каченовскаго подѣ влияніемъ того впечатлѣнія, какое сотни слушателей выносили въ годы, предшествовавшіе реформѣ 19 февраля, изъ его лекцій объ отмѣнѣ торгоу неграми. Нужно-ли говорить, какимъ мотивомъ руководствовался лекторъ, посвящая цѣлыхъ 20 или 30 часовъ разностороннему изученію послѣдствій африканской неволи и назрѣвшаго постепенно сознанія въ необходимости положить ей конецъ? Какъ въ годы, предшествовавшіе крестьянской реформѣ, Каченовскій умѣлъ придать своему курсу характеръ проповѣди

въ пользу гражданской свободы, такъ въ то время, когда мнѣ пришлось быть его слушателемъ, онъ съ любовью останавливался по цѣлымъ мѣсяцамъ на изученіи мѣстнаго самоуправленія въ Англіи и отчасти въ Пруссіи. Онъ противопоставлялъ ему всѣ невыгоды административной централизаціи, бюрократизма и правительственной опеки, картину чего представляла Наполеоновская Франція. Его лекціи по исторіи англійскихъ учреждений, составленныя по преимуществу на основаніи монографій Галлама, Эрскина Мэя, Годда,—раскрывали предъ нами въ живомъ и картинномъ изложеніи параллельный ростъ народнаго представительства и мѣстнаго самоуправления, онѣ вкореняли въ насъ тотъ взглядъ, что участіе общества въ направленіи государственной жизни только тамъ пустило глубокіе корни, гдѣ въ ограниченной сферѣ прихода, города и провинціи—графства тоже, общество призвано къ служенію и совѣту. Эта точка зрѣнія, очевидно, была та самая, съ какой Токвилль разсматривалъ исторію и современное ему состояніе американской демократіи. Обоимъ публицистамъ она была привита изученіемъ англійскаго государственнаго строя въ его поступательномъ ходѣ со времени Плантагентовъ. Каченовскаго, сказалъ я, называли англо-маномъ, но если подъ этимъ прозвищемъ разумѣть пристрастіе къ земельной аристократіи и ограниченію политическихъ правъ низшей буржуазіи и рабочаго класса,—это прозвище едва-ли можетъ быть

дано ему. Онъ былъ сторонникомъ расширенія избирательнаго права, сочувствовалъ въ Англіи не только реформѣ 32 г., но и 67 года, и, вслѣдъ за Миллемъ, не прочь былъ предоставить и меньшинству ту возможность пропорціональнаго представительства, какую обѣщала ему въ числѣ другихъ изобрѣтенная Томасомъ Геромъ система. Вообще его англomanія, какъ и его западничество, были только односторонними проявленіями присущаго ему гуманизма,—ему и всей той фалангѣ русскихъ университетскихъ дѣятелей, самымъ крупнымъ представителемъ которыхъ являлся Грановскій. Дмитрію Ивановичу, ѣздившему въ Москву для защиты своей диссертациі «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», пришлось познакомиться и сойтись съ Тимофѣемъ Николаевичемъ. Онъ на всю жизнь сохранилъ благодарную память объ этой встрѣчѣ.

Не меньшее вліяніе оказало на общій складъ его политическаго мышленія сближеніе за границую съ Герценомъ; оно, разумѣется, не заставило его отказаться отъ увѣренности въ призваніи международнаго права положить конецъ войнамъ и несогласіямъ, обезпечить человѣчеству вѣчное спокойствіе и миръ. Тщетно Герценъ вышучивалъ его, приглашая броситься между воюющими и убѣдить австрійцевъ въ необходимости очистить Италію отъ своихъ войскъ; мефистофельскій смѣхъ только раздражалъ его, не подкашивая ни мало счастливаго научнаго

оптимизма. Не увлекли его также и социалистическія пристрастія, все рѣзче и рѣзче выступавшія въ Герценѣ, по мѣрѣ его сближенія съ Луи Бланомъ и Прудономъ. Я думаю, что изъ всѣхъ областей обществовѣдѣнія политическая экономія всего менѣе останавливала на себѣ вниманіе Дмитрія Ивановича. Классовая борьба, повидимому, интересовала его лишь настолько, насколько, выражаясь языкомъ его любимаго писателя Ипполита Пасси, она является «разлагающимъ элементомъ» государственнаго сообщества и требуетъ соотвѣтственно усиленія поддерживающей единство исполнительной власти. Для него, какъ и для Монтескье, и восходя еще выше, какъ для Макіавелли и самого Аристотеля, политика, а не экономика, была главнымъ факторомъ всего общественнаго уклада и всѣхъ происходящихъ въ немъ измѣненій. Онъ серьезно писалъ цѣлыя главы «о вліяніи международнаго права на измѣненіе судебъ человѣчества» и уменьшилъ мнѣ отмѣтку на экзаменѣ, объявивъ, что изъ моего отвѣта онъ видитъ только, какое вліяніе переменна въ судьбахъ человѣчества оказала на развитіе международнаго права.

Въ одномъ отношеніи Каченовскій рѣзко выделяется изъ среды тѣхъ людей сороковыхъ годовъ, которымъ суждено было играть такую выдающуюся роль въ направленіи нашей умственной, если не общественной жизни; онъ вовсе, или весьма мало, былъ задѣтъ нѣмецкой метафизической философіей,

и повидимому, не имѣлъ къ ней вкуса. Въ то-же время онъ едва-ли знакомъ былъ съ курсомъ положительной философіи Конта, и не прочь былъ при случаѣ пустить два—три обидныхъ слова въ лагерь позитивистовъ. Все это не мѣшало, однако, тому, что самъ онъ на трудахъ Корнвалля Льюиса, такъ часто имъ цитируемаго въ лекціяхъ, и еще болѣе на Логикѣ Милля, этого, можно сказать, философскаго обоснованія метода Конта, научился положительнымъ приѣмамъ мышленія въ области общественнаго. Прочтите внимательно все имъ написанное, не исключая его курсовъ, и вы необходимо вынесете то впечатлѣніе, что всякому утвержденію Каченовскій предпосылаетъ самый тщательный и возможно полный обзоръ хорошо обслѣдованныхъ фактовъ; на этихъ фактахъ онъ строитъ свой дальнѣйшій эмпирическій выводъ, изъ котораго дѣлаются затѣмъ частныя заключенія; послѣднія признаются обоснованными лишь въ томъ случаѣ, когда навстрѣчу имъ идутъ факты дѣйствительности или прошлаго; а что все это въ сущности, какъ не методъ обратной дедукціи, т. е. тотъ, который по Миллю одинъ является залогомъ научности построеній въ области общественнаго? Выводы, впрочемъ, далеко не занимаютъ главнаго мѣста въ научныхъ книгахъ, статьяхъ, или лекціяхъ Каченовскаго; они на три четверти заняты описаніемъ, и описаніемъ поистинѣ художественнымъ. Эти «очерки» и составляли то, что цѣнилось

нами всего болѣе въ его курсахъ. Теперь еще возстають въ моей памяти цѣлыя картины борьбы ломбардскихъ и тосканскихъ коммунъ за политическія вольности, или первыхъ попытокъ итальянской дипломатіи выработать основы международного права, если не во время войны, то по крайней мѣрѣ во время мира. Сама диссертация Каченовскаго «о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», переведенная еще при его жизни на англійскій языкъ, и пользующаяся высокимъ признаніемъ между спеціалистами, выдѣляется изъ ряда другихъ монографій о морскомъ международномъ правѣ не установленіемъ какихъ нибудь новыхъ юридическихъ принциповъ, а прекраснымъ обслѣдованіемъ обильнаго матеріала и изящнымъ изложеніемъ добытыхъ имъ чисто историческихъ выводовъ. Каченовскій былъ настолько историкомъ, чтобы не сказать соціологомъ (послѣднее прозвище, вѣроятно, было бы ему не по вкусу), его такъ мало можно считать законовѣдомъ въ прямомъ смыслѣ слова, что слабую сторону его курса составляли именно тѣ лекціи, въ которыхъ, по природѣ предмета, требовалась юридическая конструкція. До сихъ поръ не могу безъ тайнаго страха вспомнить о необходимости усвоить передъ экзаменомъ тотъ къ счастью короткій отдѣлъ, какой представляло въ его изложеніи частное международное право. Сколько помню, авторъ построилъ его на той мысли, что рѣшающимъ моментомъ должно быть отысканіе точки

соприкосновенія частнаго интереса съ общимъ; и вотъ, въ погонѣ за этой, очевидно, подвижной точкой, мы проводили цѣлые часы въ невозможности уловить ее. Но за то какъ интересны и жизненны были тѣ картины постепеннаго роста гражданскаго оборота между націями, какія Каченовскій умѣлъ вдвинуть въ свою лекцію о литературныхъ, почтовыхъ, торговыхъ, телеграфныхъ и т. д. трактатахъ и конвенціяхъ! Художникъ на каждомъ шагу бралъ у него перевѣсъ надъ юристомъ, его курсъ междунагоднаго права, которому отводилось 6 лекцій въ недѣлю, при рѣшительномъ преобладаніи исторіи надъ догмою, былъ по всей вѣроятности самымъ общеобразовательнымъ предметомъ на нашемъ факультетѣ. Я познакомился съ нимъ еще въ первый годъ моего поступленія въ университетъ, хотя лекторъ и читалъ на 4-мъ курсѣ. Аудиторія всегда была полна и далеко не одними юристами. Каченовскій не имѣлъ внѣшнихъ качествъ оратора; онъ говорилъ нѣсколько въ носъ, но рѣчь его отличалась одновременно простотою и образностью, фраза была короткой, живой, грамматически правильной; повторенія были рѣдки, основная мысль проводилась красной нитью; по выходѣ изъ аудиторіи можно было въ немногихъ словахъ повторить все прослушанное.

Я долженъ, впрочемъ, оговориться: стремленіе къ полнотѣ и обстоятельности было причиной включенія Дмитріемъ Ивановичемъ въ свой курсъ

жестокаго для слушателей отдѣла — литературы международного права. Здѣсь приводился не только безконечный рядъ страннозвучащихъ именъ, но и къ каждому имени было привѣшено два—три обыкновенно мудренныхъ заглавія; при этомъ указывалось, чѣмъ именно книги, носящія эти заглавія, обогатили науку. Можно было читать произвольное число разъ этотъ толковый словарь, и все таки на экзаменѣ оказаться совершенно несостоятельнымъ въ оцѣнкѣ заслугъ какого нибудь Кальтенборна, не говоря уже о менѣ крупныхъ представителяхъ «науки», а этого было вполне достаточно, чтобы остаться лишній годъ на томъ-же курсѣ, такъ какъ экзаменаторъ, хорошо знавшій свои собственныя лекціи, неизмѣнно строгъ былъ къ тѣмъ, кто зналъ ихъ хуже его. Но, за исключеніемъ 5—6 билетовъ, которые требовали отъ отвѣчающаго больше памяти, чѣмъ воображенія, весь остальной курсъ являлся своего рода блестящей эпопеей, изображающей побѣдоносный ходъ разума и международной справедливости. Не даромъ-же Дмитрій Ивановичъ избралъ шрифомъ къ отпечатаннымъ имъ всего къ сожаленію двумъ первымъ выпускамъ своего общаго трактата слѣдующія слова голландца Бенкерсхука: «Разумъ, самъ разумъ, есть душа международного права». О полнотѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Каченовскимъ, я могъ судить много лѣтъ спустя, подготавливаясь къ магистерскому экзамену въ Москвѣ. Въ моемъ распоряженіи была всего

недѣля, рекомендовано было, какъ всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ, чтеніе десятка книгъ. Я пересмотрѣлъ лекціи Каченовскаго, заглянулъ въ 2—3 нѣмецкихъ учебника, нашелъ въ нихъ то-же, только безъ его историческихъ иллюстрацій, и съ этимъ запасомъ едва подновленныхъ старыхъ свѣдѣній съ успѣхомъ выдержалъ предстоявшій мнѣ искусь. Какъ жаль, что этотъ курсъ Каченовскаго не изданъ былъ цѣликомъ и возможно близко по тексту составленныхъ студентами записокъ; часть ихъ была провѣрена лекторомъ. Въ послѣдніе годы его жизни, подъ вліяніемъ жестокаго недуга, Дмитрій Ивановичъ часто не былъ въ состояніи произносить своихъ лекцій; кому нибудь изъ слушателей, мнѣ въ томъ числѣ, приходилось въ его присутствіи читать по старымъ запискамъ; только по временамъ раздавался прерываемый кашлемъ голосъ лектора за тѣмъ, чтобы сдѣлать два три цѣнныхъ замѣчанія, или развить мысль, едва отмѣченную въ студенческой тетради. Въ бумагахъ Каченовскаго уцѣлѣла, по всей вѣроятности, не напечатанная магистерская диссертация; она посвящена исторіи морского международного права. Каченовскій читалъ изъ нея отрывки на лекціяхъ; судя по этимъ отрывкамъ, его работа отличалась большою полнотою и стилистическою отдѣлкой. Вообще, тѣ части его курса, которыя относятся къ праву войны и нейтралитету, при всей ихъ сжатости, оставили во мнѣ впечатлѣніе чего-то вполне законченнаго, тогда какъ, на-

примѣръ, лекціи по исторіи международнаго оборота, начиная съ эпохи Возрожденія, лекціи, богатые интересными историческими данными объ итальянской дипломатіи, носили еще болѣе или менѣе сырой видъ. Ближайшій отдѣлъ отличался меньшею самостоятельностью, и, повидимому, составленъ былъ, главнымъ образомъ, на основаніи Витона—*Histoire du droit des gens*. Лекторъ въ своемъ изложеніи обыкновенно выпускалъ начальные отдѣлы курса, отсылая насъ къ изданнымъ имъ выпускамъ и статьямъ, такъ, напримѣръ, къ помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ монографіи о правахъ дипломатическихъ агентовъ; въ общемъ получалась такая масса матеріала, что студенты обыкновенно ставили экзаменъ международнаго права первымъ по очереди и приготавлились къ нему въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Каковы были руководящіе принципы Каченовскаго въ построеніи системы современнаго международнаго союза, былъ-ли онъ сторонникомъ легитимизма, (или, что то-же, историческаго права), политическаго равновѣсія, или націонализма?—на этотъ вопросъ многіе изъ его учениковъ затруднятся отвѣтить съ рѣшительностью. Помню я увлеченіе, съ какимъ онъ знакомилъ насъ съ извѣстной рѣчью Маміани, появившейся затѣмъ самостоятельнымъ томомъ, подъ заглавіемъ «о новыхъ началахъ Европейскаго права». Маміани, какъ извѣстно, заодно съ Манчини, и почти всею современною

школою международного права въ Италіи, является сторонникомъ той мысли, что единство національности должно быть основою государственнаго единства. Сколько революціоннаго и разлагающаго заключаетъ въ себѣ этотъ принципъ, можно судить уже потому, что при строгомъ его проведеніи немислимо было-бы сохраненіе ни одного изъ существующихъ государствъ, начиная отъ Швейцаріи, и оканчивая Россіей. Каченовскій, бывшій по этой причинѣ противникомъ не только панславизма, но и славянофильскаго движенія, не могъ послѣдовательно явиться сторонникомъ націонализма. Но въ то-же время онъ понималъ ту великую историческую роль, какая выпала на долю сознанія народнаго единства въ измѣненіи политической карты Европы. Онъ не былъ слѣпъ къ созидающему значенію, какое это сознаніе имѣло для Италіи и Германіи. Привѣтствуя установленіе либеральной монархіи на Апеннинскомъ полуостровѣ, сѣверной и южногерманской федерацій, онъ въ то-же время съ ужасомъ отступалъ передъ мыслью, что тотъ-же принципъ національнаго единства можетъ сдѣлаться условіемъ разложенія Австріи и причиною кровопролитныхъ столкновеній венгровъ, нѣмцевъ и славянъ. Это обстоятельство и сдѣлалось источникомъ того эклектизма, которымъ онъ старался примирить вновь возникшія національныя требованія съ системою историческаго права и политическаго равновѣсія. За національнымъ дви-

женіемъ признается имъ сила и значеніе лишь настолько, насколько единство языка и культуры является условіемъ благопріятнымъ сплоченію отдельныхъ округовъ и провинцій. Но, такъ какъ центростремительный по природѣ принципъ національности въ то-же время является и центробѣжнымъ, такъ какъ онъ одновременно и спланиваетъ воедино и разъединяетъ, и такъ какъ одно немыслимо безъ другого и необходимо предполагается имъ, то легко судить, въ какія дебри непоследовательности и противорѣчій приводитъ попытка сочетанія легитимизма и націонализма. Стать открыто на ту точку зрѣнія, что выборъ народа одинъ рѣшаетъ его политическія судьбы, и разрѣшить тѣмъ самымъ все противорѣчія—Каченовскій не дерзалъ. Причиной его нерѣшимости было отчасти то впечатлѣніе, какое произвела на него безцеремонная подтасовка голосовъ, практиковавшаяся при устройствѣ того народнаго плебисцита, въ силу котораго жители Савойи и Ниццы признаны были соединившими свои судьбы съ Франціей.

Если въ международномъ правѣ Каченовскій чувствовалъ себя вполне хозяиномъ, если онъ обладалъ рѣдкой эрудиціей въ трактатахъ и монографической литературѣ, то въ правѣ государственномъ его скорѣе надо признать любителемъ, просвѣщеннымъ диллетантомъ. Легко указать на тѣ книги, которыя послужили для составленія его историко-догматическаго обзора конституцій Англіи, Фран-

ціи, Пруссіи и Австріи. Это были Галламъ и Эрскинъ Мэй, Гоммерсгамъ, Коксъ, Фиско и Ванстретенъ, Росси и Батби, Гильдебрандтъ и Лавелэ, не говоря о болѣе общихъ сочиненіяхъ по новѣйшей исторіи. Но эти лекціи по государственному праву европейскихъ державъ были составлены съ такимъ вкусомъ, съ такимъ умѣніемъ отдѣлать существенное отъ несущественнаго, представить факты въ порядкѣ ихъ сцѣпленія, избѣгая техническихъ подробностей, подчеркивая принципы, ставя на всемъ пути верстовые столбы, дѣлающіе возможной ежечасную оріентировку, что все сообщаемое прослушивалось съ несомнѣннымъ интересомъ, а записанное усваивалось сравнительно легко. Въ преподаваніе Каченовскаго совершенно не входило такъ называемое общее государственное право, читаемое другимъ профессоромъ, Станиславскимъ, какъ часть энциклопедіи права. Но это не мѣшало тому, что въ началѣ своего курса Дмитрій Ивановичъ поднималъ нѣкоторые вопросы и общаго характера, какъ, напримѣръ, вопросъ о формахъ правленія и законахъ, управляющихъ ихъ выборомъ, вопросъ о раздѣленіи властей и ихъ равновѣсіи, вопросъ объ административной централизаціи и мѣстномъ самоуправленіи, и т. д., и т. д. При разсмотрѣніи всѣхъ этихъ вопросовъ онъ почти исключительно придерживался Англійской и Французской политической литературы, особенно сочиненій Пасси, Корнвалля и Джорджа Люиса, нако-

нецъ Джона Стюарта Милля. Вѣроятно, рѣдкому изъ его слушателей пришлось избѣжать передачи довольно таки педантичнаго размышленія Джорджа Льюиса о томъ, что всѣ формы правленія сами по себѣ превосходны, если отвѣчаютъ условіямъ и историческимъ привычкамъ даннаго народа. Вообще эволюціонная точка зрѣнія, пріобрѣтая настолько право гражданства въ сочиненіяхъ современныхъ историковъ-публицистовъ, что она грозитъ сдѣлаться общимъ мѣстомъ, почти отсутствовала въ изложеніи Каченовскаго, какъ отсутствуетъ она въ равной мѣрѣ не только у Монтескьё, но у того же самаго Ипполита Пасси, мысль котораго такъ сильно связывала и опутывала мысль Дмитрія Ивановича. Поставимъ-ли мы это ему въ вину, имѣя передъ глазами примѣръ недавнихъ соціологовъ, собранныхъ на конгрессъ въ Парижѣ и заявившихъ устами русскаго сенатора Лилиенфельда о неподвижности и неизмѣняемости политическихъ формъ? Неповинный въ доктринерствѣ Дмитрій Ивановичъ не въ состояніи былъ, однако, отдѣлаться вполне отъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и апріорныхъ умозаключеній этой школы. Такъ, и имъ, вслѣдъ за плеядою публицистовъ эпохи реставраціи и іюльской монархіи, повторялось избитѣйшее положеніе, что свобода непримирима съ равенствомъ, положеніе яко-бы подтверждаемое сравнительнымъ опытомъ Англіи и Франціи, изъ которыхъ послѣдняя пожертвовала свободою равенству, тогда какъ первая

въ своемъ гражданскомъ неравенствѣ нашла залогъ автономнаго самоопредѣленія личности. Чтобы вкоренить въ насъ эти взгляды Каченовскій отсылалъ свою аудиторію къ статьѣ «о характерѣ французовъ и англичанъ», когда-то напечатанной имъ въ журналѣ Евгеніи Туръ. Мнѣ поручено было компилировать эту статью, и, сколько я помню, я нашелъ въ ней по меньшей мѣрѣ 30 чертъ отличія въ народномъ характерѣ обѣихъ націй, всѣ онѣ болѣе или менѣе вытекали изъ односторонняго увлеченія англичанъ — свободой, французовъ — равенствомъ. Насколько удобно было усвоеніе этихъ нелегко уловимыхъ и всегда спорныхъ чертъ,—это другой вопросъ, и назиданіе, которое современный лекторъ можетъ вынести для себя изъ примѣра Каченовскаго, повидимому, то, что не слѣдуетъ отсылать аудиторію къ юношескимъ статьямъ. Это противоположеніе уравнительныхъ французовъ, потому самому теряющихъ свободу, съ аристократическими и потому самоопредѣляющимися въ своей дѣятельности англичанами съ каждымъ годомъ становилось все большимъ и большимъ анахронизмомъ. Имперія Наполеона III, чтобы удержаться, принуждена была принять личину либерализма, а англійскіе консерваторы, чтобы не уступить почвы либераламъ, проводили черезъ парламентъ избирательную реформу, открывавшую самимъ рабочимъ классамъ возможность представительства. Повсюду въ Европѣ, параллельно съ стремленіемъ къ поли-

тической свободѣ, расло и движеніе въ пользу всеобщаго права голосованія. Бисмаркъ не считалъ возможнымъ не включить его въ число устоевъ современнаго германскаго единства. Каченовскій былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не видѣть того направленія, въ какомъ происходитъ политическое обновленіе Европы, и случайное повтореніе во вступительныхъ лекціяхъ мыслей вродѣ тѣхъ, съ какими я только что познакомилъ Васъ, казалось ненужнымъ перезвономъ чего-то стараго и отжившаго.

Этого было достаточно, однако, чтобы упрочить за Каченовскимъ въ студенчествѣ моего времени совершенно невѣрную репутацію скрытаго противника того обхватившаго общество съ эмансипаціи крестьянъ демократическаго движенія, которое такъ наглядно сказывалось въ нашей передовой журналистикѣ съ «Современникомъ» и позднѣе «Отечественными Записками» во главѣ. Прибавьте къ этому представленіе о Каченовскомъ, какъ о строгомъ экзаменаторѣ, и вполне понятнымъ явится нѣкоторый упадокъ его популярности. Дмитрій Ивановичъ чувствовалъ это, и при случаѣ, не прочь былъ сказать слово осужденія по адресу, какъ онъ выражался, современныхъ «измовъ», и все-же нравственная его личность такъ импонировала всѣмъ намъ, что даже тѣ, которые видѣли нѣкотораго рода измѣну въ прославленіи все-же аристократической по природѣ англійской конституціи, никогда

не позволили бы себѣ сомнѣнія въ томъ, что въ университетскихъ дѣлахъ, въ частности въ дѣлахъ студенческихъ, Каченовскимъ могло руководить что либо, помимо стремленія къ «абсолютной справедливости». Съ именемъ его связывалась память о героическихъ походахъ въ пользу очистки университета отъ всего затхлаго и тлетворнаго, въ пользу искорененія всякихъ остатковъ фаворитизма, наложившихъ свою позорную печать на нѣкоторыхъ членовъ корпорации въ царствованіе Николая Павловича. Всѣ знали также, что все свѣжее и общающее въ рядахъ профессорской молодежи могло рассчитывать на его поддержку. Вотъ почему съ такой вѣрой и съ такимъ уваженіемъ относились къ этому мнимому англomanу и мои яacobинствующіе товарищи. Вотъ почему его тяжкая болѣзнь и преждевременная смерть была горемъ для всего университета. И вотъ почему съ памятью Дмитрія Ивановича навсегда будетъ связано представление, не только какъ о выдающемся ученомъ и рѣдкомъ профессорѣ, но и какъ о воспитателѣ ряда поколѣній.

